

Александр Иванович Куприн

Канталупы

Александр Иванович Куприн

Канталупы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545725

Аннотация

«В половине первого в ведомстве приемов поставок, закупок и транспортов полагается перерыв для завтрака. Бакулин, делопроизводитель, издавна привык закусывать в «Торжке», среднем из первоклассных ресторанов, где, однако, кормят хорошо, кабинеты светлы и удобны, а прислуга расторопна и почтительна. Как и всегда, швейцары угодливо устремляются к Бакулину, притворяясь страшно обрадованными его приходом, величая его по имени-отчеству и с благоговением принимая его шляпу, палку и пальто...»

Александр Иванович Куприн Канталупы *Может быть, и выдумка*

В половине первого в ведомстве приемов поставок, закупок и транспортов полагается перерыв для завтрака. Бакулин, делопроизводитель, издавна привык закусывать в «Торжке», среднем из первоклассных ресторанов, где, однако, кормят хорошо, кабинеты светлы и удобны, а прислуга расторопна и почтительна. Как и всегда, швейцары угодливо устремляются к Бакулину, притворяясь страшно обрадованными его приходом, величая его по имени-отчеству и с благоговением принимая его шляпу, палку и пальто. А в коридоре низко склоняет перед ним стриженую голову всегдашний слуга, высокий, худой, длинноусый Яков, и, перебрасывая салфетку из правой руки под мышку, вполголоса сообщает:

– Тут вас спрашивает господин Рафаловский...

– Знаю... Мы условились.

– Так что я осмелился пригласить их в ваш кабинет.

– Ладно. Ты у меня, Яков, золото.

– Рад служить, Сергей Ардальоныч...

Далеко вытянув перед собой руку, открывает лакей дверь

кабинета и, пятясь в сторону, пропускает Бакулина. Рафаловский, толстый большой помещик с обрюзглыми бритыми щеками, изборожденными красными жилками, и с седой щетиной на жирном подбородке, неуклюже валится сначала боком на диван, а потом тяжело встает из-за стола.

– Вы точны, как часы на Пулковской обсерватории, – говорит он, протягивая огромную мохнатую руку, украшенную бриллиантом величиной в каленый орех.

– Это у меня еще от военной службы осталось. Привычка, – улыбается Бакулин. Помещик опять валится на диван и вытирает мокрое лицо платком.

– И жарко же сегодня, просто наказание. Точно Сахара какая-то!

– Да, печет... Дай бог урожая. Я рад... Как у меня в парничках канталупы растут, – один восторг... Аромат какой неподражаемый!

– Канталупы? скажите! – равнодушно удивляется Рафаловский.

– Представьте! И какие сорта: Консульт-Шиллер, Президент Грей, Женни Линд, Прескотт, Бельгард, Августа-Виктория... Это страсть моя – канталупы. Ничего я так не обожаю. А впрочем, к порядку дня. Чем ты будешь нас кормить, Яков?

Сладко жмурясь и точно захлебываясь, Яков докладывает своим ярославским говорком:

– Осетровый балычок сегодня привезли, прямо вам ска-

жу, – нечто особенное. Янтарь. Насквозь видать... Рыжички соленые вы изволили одобрять. Форель гатчинская. Утки есть дикие, – чирочки. К ним можно салат ля-тю а-ля-метр-дотель с трюфелями, провансалем и свежим огурчиком... Позволю себе рекомендовать волованчики с петушиными гребешками и костным мозгом. Цветная капуста замечательная.

К закуске Яков сам, не спрашивая разрешения, подает во льду графинчик водки, настоянной на черносмородинных почках. Ловко, почти беззвучно сервирует все на столе и, отступив спиной к двери, мягко закрывает ее за собой.

Бакулин разливает настойку, которая отсвечивает в рюмках нежной изумрудной зеленью и благоухает весной и немного мышами. Он уже собирается чокнуться с помещиком, но тот останавливает его осторожным жестом.

– Делу время, потехе час, глубокочтимый, – говорит он внушительно. С трудом достает из бокового кармана визитки пухлый запечатанный конверт и кладет его на стол. Ноздри у Бакулина слегка вздрагивают, но он отодвигает пакет в сторону.

– Нет, уж вы лучше пересчитайте, – мягко настаивает Рафаловский. И опять пододвигает пакет Бакулину. – Деньги счет любят.

Бакулин, не торопясь, пересчитывает билеты государственной ренты и, окончив, склоняет голову в знак правильности суммы, а затем извлекает из портфеля и передает Ра-

фаловскому бумагу, на которой вкось карандашом написано: «Согласен. Поторопить доставкой». Произведя этот обмен, они впервые взглядывают друг на друга. Бакулин совершенно ясно угадывает желание своего партнера в этой молчаливой игре «расписочку бы». Но зато и Рафаловский читает без слов вежливый ответ:

«Прошли золотые времена. Такими дураками мы были только до эпохи ревизий». И, как умные люди, они, перейдя через тяжелый момент, приступают не торопясь к солидному завтраку и к интересному вескому разговору о предметах важных, но посторонних. За бутылкой подогретого St.-Estèphe стирается и самый след промелькнувшей неприятности. Бакулин относится очень сочувственно к мысли Рафаловского о будущей поставке двадцати тысяч сажень березовых дров. Зато у Рафаловского есть в виду для супруги Бакулина прямо золотое дно, а не имение, на юге России: рыбная речка, семьсот десятин чернозему, триста строевого леса, барская усадьба с парком, оранжереями и всякими постройками, фруктовый сад, дом чуть ли не растреллиевской постройки. И все за пустяшную прибавку к банковскому, совсем небольшому долгу. По окончании завтрака помещик хочет взять расплату на себя. Но делопроизводитель упирается: «Хлеб-соль вместе, а счет пополам. По-американски». У подъезда они прощаются, довольные друг другом. Рафаловский едет на биржу, а Бакулин идет пешком на службу.

В три часа, прежде чем покинуть учреждение, главный

директор, сияющий своими сединами и лысиной, розовый, веселый, светский, благоухающий старик, заходит на секунду в кабинет делопроизводителя. Каждый раз у него какие-то неотложные дела в банке.

– Вы уже без меня тут, пожалуйста, любезный Сергей Ардальоныч... – И в дверях, делая прощальный знак выхоленной рукой, он добавляет: – В случае чего-нибудь экстренного – вы знаете номер моего телефона.

Конечно. Бакулин знает, что это номер телефона маленькой балетной корифейки Лягуновой. Но он только почтительно склоняет большую тяжелую голову с низким лбом и широкими скулами.

В приемной уже давно дожидаются этого часа разные деловые люди: преувеличенно модно одетые русские, с громкими картавыми барскими голосами и плохим французским языком, которым они без нужды злоупотребляют, суетливые черноглазые греки; развязные или презрительные евреи, которые здесь, как и всюду, точно у себя дома, престарелые, надменные пышноусые поляки в великолепных, но потертых костюмах, с бахромой внизу панталон, армяне с пылкими взорами, страстной речью и выразительной мимикой, два-три бритых человека неопределенной нации и профессии, но с широким жестом и неправдоподобным голосом, должно быть, бывшие актеры.

Среди этих пестрых просителей, подрядчиков, поставщиков, изобретателей и посредников – много таких, которых

Петербург видел когда-то на малой бирже у Доминика, или на бегах в жалкой роли подсказчиков, или в стремительном мгновенном полете с лестницы танцевального зала Марниковича, или за карточными столами темных шустер-клубов. Теперь же Петроград нередко дивится их особнякам, автомобилям, содержанкам и бриллиантам большинства из них.

Меньшинство только начинает карьеру.

Курьер Ефим одного за другим впускает их в кабинет, руководствуясь не очередью, а какими-то своими особыми, интимными соображениями. Точно так же и у Бакулина для каждого посетителя особые оттенки приема. Так, например, одного восточного человека, красавца мужчину атлетического сложения, с выхоленной блестящей черной бородой, с драгоценными кольцами на всех пальцах, он выслушал сидя, не предлагая тому даже сесть, и отказал сухо, коротко и быстро.

Встречая других, он слегка приподымался с кресла и, бормоча что-то невнятное, указывал рукой на стул против себя.

А одного, не особенно видного, старозаветного, маленького старичка в наглухо застегнутом черном сюртуке, он встретил у самых дверей и сел только после него.

Впрочем, разговор у них вышел очень краткий; минуя здоровье, погоду и прочую дребедень, старичок спросил деловито:

- Так вы обдумали, любезнейший Сергей Ардальоныч?
- К вашим услугам, Кирилл Матвеевич.

– Двадцать пять и два, если брутто, и двадцать шесть и один, если нетто? Так?

– Совершенно верно, Кирилл Матвеевич.

– Предпочтительнее?

– Как вам угодно. Если позволите, второе условие более подходит.

Старичок не спеша вынул из кармана чековую книжку и тонко, почти незаметно улыбнулся.

– Вы это чему, Кирилл Матвеевич? – беспокойно спросил Бакулин.

– Так, своим мыслям, – ответил старичок, быстро вписывая сумму. – Одного парнишку спросили: «Ты, Егорушка, какого пирожка хочешь, так или с маслом?»

– «Да мне все равно, хотя бы с маслом».

– Хе-хе-хе, – добродушно рассмеялся Бакулин. – Хорошенькое присловьице. Хоть и с маслом... А кстати, Кирилл Матвеевич, тут еще поверстные... и там... благодарности агентам...

Старичок поморщился и встал, тщательно застегивая сюртук.

– Бросьте, почтеннейший. Не в мелочной лавочке... Бакулин проводил его до дверей с низкими поклонами. А старик даже руки ему не подал...

Так же содержательна была беседа и с другим дельцом, высоким, плечистым, костлявым, небрежно одетым, у которого на желтоватом лице, изрытом оспою, дерзко и пытливо

смотрели голые, черные, цыганские или разбойничьи глаза. Ему надо было выхлопотать двести вагонов, и Сергей Арда-льоныч, заранее знавший, для какой цели, с быстротой умно-жил в уме вагоны на пуды, пуды на фунты, фунты на копей-ки и сказал, взглянув в горячие глаза рябого, но тотчас же и отвернувшись:

– Восемьдесят.

– Не могу, – смело и решительно отрезал рябой. – Берите любую половину.

– Вам-то что, Петр Захарыч. Нажмете чуть-чуть. Ведь я всего копеечку на фунт.

– То есть четыре процента. Довольно с вас двух. Я мел-кого покупателя обижать не могу. Его доверием кормлюсь и лишаться доверия не хочу. Ему полкопейки расчет. А нет – найдем другой путь.

– Да уж ладно, упорный вы человек. Зайду к вам завтра утром. Как раз будет готово разрешение.

– Так-то лучше. До свиданья. Один за другим проходи-ли перед наблюдательным наметным оком Бакулина жадные, смелые, трусливые и наглые ловители фортуны, и всех их Бакулин фильтровал, сортировал, определив точно их удель-ный вес, и ставил их на надлежащую полочку относитель-ной пользы. В то же время среди этих непонятных непосвя-щенному переговоров он успел написать несколько черно-виков важных писем, сделал два-три внушения конторщи-кам, отвечал беспрестанно на телефонные вызовы. Дело шло

у него легко и быстро, точно он катился по гладкому шоссе на обьезженном, выверенном, хорошо смазанном велосипеде. И только раз вышла задержка. Какой-то неловкий новичок, козлиного староверского вида, принесший образцы подковных шипов, осмелился, сначала обернувшись назад, на дверь, и помедлив от волнения, сунуть через стол пятисо-трублевую бумажку. Бакулин поднял крик на все учрежде-ние: «Как? Взятку? Кому? Мне? В такое время? Да я вас под суд! Я вас упеку знаете куда? Ефим, в шею этого презренно-го типа».

Но вот старые высокие нортоновские часы медленно про-тянули первый густой удар из шести, и Бакулин поднялся, прервав разговор с клиентом на полуслове: «Простите, зав-тра приму вас первого. Мне спешить к поезду, а еще надо кое-какие покупки».

Ехать по железной дороге надо было полчаса, и оттуда на собственную дачку «Аннино», двенадцать верст. На станции его дожидался экипаж. Вся упряжка была проста и щеголева-та, как у настоящего любителя: лошадка (шведский иноход-чик) была светло-желтая с черной гривой, черным хвостом и темным ремешком вдоль спины – той скромной масти, ко-торая раньше, лет пятьдесят тому назад, называлась интен-дантской; рессорный легкий, плетенный из камыша шарабан блестел лаком крыльев и колес, кучер в шапке с павлиньим пером, в бархатной безрукавке высоко держал руки в оран-жевых канаусовых рукавах.

Кучер, сдерживая резвую лошадку, осторожно объехал по грубым камням полукруг дождавшихся очереди извозчиков, выехал на ровное широкое шоссе, уходившее прямой белой лентой сквозь зеленую даль деревьев, и по-немногу отпустил вожжи. Бакулин, с наслаждением отдавшись плавному покачиванию рессор и быстрому движению, заглядывал то слева, то справа на плавный бег иноходца, который, ровно неся спину и слегка, точно неуклюже, точно переваливаясь плечами с боку на бок, чуть покачивал высоко поднятой головой с стоячими маленькими ушами... Пахло свежескошенным сеном, весело трепетали и блестели недавно омытые дождем дорожные деревья. Ветер дул в лицо и пузырил оранжевые рукава у кучера.

Иногда из-за дальних роц блестел крест колокольни. Бережно крестясь, творил Бакулин молитву: «Господи, во имя святого храма твоего, помяни мя, егда приидеши во царствие твое...» Но молитва была механическая, без сердечной интимности. Главные, серьезные счета, генеральную стирку души, он отлагал до вечера.

Подъехали к широким воротам дачи, на которых возвышалась на проволочной раме литая надпись «Аннино». Бакулин посмотрел на часы. Ехали ровно двадцать шесть минут пятнадцать секунд. Хороша шведка. И всего двести пятьдесят плачено.

Всегда нудны и тяжелы проводы, но радостны даже ежедневные встречи. Когда иноходец, сдержанный красиво на

повороте, вплывал, чуть накренившись, во двор, приятно сотрясая своим могучим ржаньем легкий шарабан, то отвсюду, из сада, со стеклянной веранды, из-за дома, послышались веселые восклицания, показались оживленные лица, замелькали светлые летние наряды. Впереди всех диким галопом неслась десятилетняя девочка, вся в белом, с двумя большими белыми бантами на висках, меньшая, любимица отца, Люлю. За нею бежали сыновья – гимназист и юнкер вместе со свояченицей Бакулина, восемнадцатилетней Софочкой. Дальше торопились, взявшись за руки, дочка-невеста с женихом, начинающим инженером, оба в красивых костюмах для лаун-тенниса. И, наконец, сама m-me Бакулина в пунцовом кружевном халатике, полная, но еще изящная и легкая в движениях брюнетка, цветущая ярким расцветом последней пышной красоты. Вместе с поцелуями, рукопожатиями, приветливыми словами, заботливыми расспросами на Бакулина вылился целый водопад милых пустяшных новостей: «Вода сегодня ужасно холодная в купальне. Софочка с Марусей собрали массу грибов-маслянок, а Василий Филиппович одни поганки. Котенок поймал полевую мышку и долго играл с ней. К обеду будут раки. Василий Филиппович привез в подарок Люлюшке козленка из породы безрогих коз. Премиленький козлик и обожает есть левкой...» И так, взятый под руки, облепленный большой, шумной, любящей семьей, шел Бакулин к дому, через цветник, по красным дорожкам, мимо правильных, только что политых клумб, благоухавших резе-

дою, розами, душистым горошком и табаком, начинавшим распускать к ночи свои белые звезды. Золотые и серебряные шары, ослепительно сверкавшие на заходящем солнце, отражали кверху ногами живую семейную группу. А две нарядные горничные в кокетливых передниках разгружали из шарабана покупки.

Но вот уже кончен обед. Смеркается. Острее и слаще пахнут цветы. Еще одна радость ждет Сергея Ардальоныча, который уже докурил сигару, отложил в сторону вечернюю газету и с неподдельным глубоким чувством пожалел вслух бедную многострадальную Россию, задыхающуюся в цепких лапах взяточников, растратчиков, вымогателей и других обнаглевших жуликов и прохвостов.

– Ну, Софочка, пойдем поглядим наши канталупы, – говорил он свояченице, сидящей снаружи на ступеньке балкона. Они вместе ухаживают за дынями. Это их общая серьезная забота и в то же время невинная, тонкая, слегка волнующая игра. Как и большинство молодых девушек, бессознательно, чуть-чуть влюбленных в мужей своих старших сестер, Софочка наивно льнет к Бакулину сердцем и телом. Огород – гордость Сергея Ардальоныча. Он выгоняет на нем редкие на севере овощи – кукурузу, томаты, артишоки и спаржу. Но его поэзия, его истинная благородная страсть – дыни-канталупы, требующие крайне заботливого ухода.

Оба они внимательно склоняются над парниками. В огороде, не затененном деревьями, еще светло, и можно хоро-

шо разглядеть дыни, большие, серо-зеленые, с выпуклыми мощными ребрами, усеянными корявыми наростами. Приятно прикоснуться пальцами к их холодной коже. Тонкий ананасный аромат поднимается из парников.

Бакулину трудно нагибаться, и потому он только дает указания:

– Этот побег надо завтра же оборвать. А большую завязь прикрепить рогулькой к земле и присыпать, – пусть дает новые корни. Может, и созреет. А эти две дыньки, Софочка, можно срезать. Да надо, кстати, велеть накрыть парники рамами. Небо ясно, барометр стоит высоко, воздух свежеет, безветрие, и – видишь, как вызвездило – ночь будет холодная.

Потом они долго сидят в дальнем углу сада за круглым столом под липами. Голова Софочки лежит на плече Бакулина, и ему кажется, что молодое тело девушки источает нежный запах канталупы. Его руки ласково, но не крепко обнимают ее плечо.

– С этой дачей мне жаль расстаться, Софочка, – говорит Бакулин, мечтательно глядя вверх, на звезды. – Ее я построил целиком на мое нищенское жалованье. Во всем себе отказывал. Но когда ты выйдешь замуж, я тебе куплю рядом такой же клочок земли и устрою тебе дачу, как свою. Даже лучше. Я уже присмотрел.

– Не надо мне, милый Сережа, ничего не надо, – тихо отвечает девушка и еще теплее прижимается к его плечу. – Я

никогда не выйду замуж... Ни за кого...

– Почему? – спрашивает нежно, дрожащим голосом Бакулин, наклоняя губы к ее волосам.

– Так...

И он сладко чувствует, как под его рукой с испугом и ожиданием дрожит девическое тело.

Наступила ночь. М-ме Бакулина лежит на широкой двуспальной постели, лицом к стене. Сергей Ардальоныч стоит на коврике на коленях, в одном нижнем белье. Он уже закончил положенные, заученные официальные молитвы и теперь мысленно говорит своими словами. Обращается он, однако, не к богу, и не к сыну, и не к его матери, а к снисходительному святителю Николаю, причем многое утаивает и во многом лукавит.

– Я же ведь, если что и беру, то не на роскошь, а для семьи. Пусть живут в холе, без озлобляющей борьбы, добрыми и кроткими. Другие там кутят, пьянствуют, играют, разоряются на женщин, на бриллианты и автомобили... А я... мое немудреное развлечение – одни канталупы, чистое сладостное занятие. Вот, ей-богу, дойду до миллиона и все брошу. Уйду со службы, займусь добрыми делами, буду тайно творить милостыню, церковь построю... не церковь, а так... часовенку... Только бы до миллиона...

И сам перед собой притворяется, будто бы забыл, что если присчитать к деньгам и золотым вещам жены два доходных дома – один на Лиговке, другой на Песках, то давно уже

его капитал шагнул за два миллиона. И о том он не хочет вспоминать, что еще недавно он давал обещание дойти только до двухсот тысяч, а потом до полумиллиона. «А может быть, – думает он, – терпеливый угодник не обратил внимания на эти мелочи или забыл по множеству дел своих? И потом: ведь все, что мною приобретено, записано не на мое имя, а имя жены. Я – что же? Я бескорыстен...»

Сладко спит Бакулин. Мерцает теплым дрожащим светом лампадка перед образом. Хмуро глядит в темноту суровый и добрый лик святителя, лик того угодника, который когда-то вступился за вора, укравшего кусок хлеба для своей голодной семьи.